

Епископ Силуан (Никитин)

Отношение православного мира к избранию митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси

УДК 94(47+57)"1941/1945"+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_313
EDN ECVMT

Аннотация: В статье рассматривается характер восприятия православным миром избрания митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 1943 г. Данное событие сыграло решающую роль в изменении положения Русской Православной Церкви не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Православный мир стал пересматривать свой взгляд на СССР как на государство воинствующего атеизма. Немецкие власти пытались организовать пропагандистский ответ на произошедшие события. Однако большинство Поместных Православных Церквей отказалось дезавуировать состоявшиеся выборы. Православный епископат на временно оккупированной территории СССР был вынужден идти на уступки немецким оккупантам в силу своего зависимого положения. Однако и в этом случае прошедшие в 1944 г. на территории Прибалтики и Белоруссии Соещание и Архиерейский Собор уклонились от жестких формулировок. Особую позицию занял епископат Русской Православной Церкви Заграницей. Коренное изменение церковно-государственных отношений осенью 1943 г. стало решающим фактором в противостоянии воюющих сторон на «религиозном фронте» Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1943 г., патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский), митрополит Сергий (Воскресенский), митрополит Евлогий (Георгиевский), Русская Православная Церковь Заграницей, Белорусская Православная Церковь, Болгарская Православная Церковь, Латвийская Православная Церковь, Румынская Православная Церковь.

Об авторе: **Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич)**
Кандидат богословия, доцент, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: f.siluan@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-4703>

Для цитирования: Силуан (Никитин), еп. Отношение православного мира к избранию митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 313–323.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 04.06.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Bishop Silouan (Nikitin)

Orthodox World's Attitude
to the Election of Metropolitan Sergius (Stragorodsky)
as Patriarch of Moscow and All Rus'

UDK 94(47+57)"1941/1945"+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_313
EDN ECVMT

Abstract: The article examines the Orthodox world's perception nature of the election of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) as Patriarch of Moscow and All Rus' at the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church in 1943. This event played a decisive role in changing the position of the Russian Orthodox Church not only in the Soviet Union, but also beyond its borders. The Orthodox world started to reconsider its view of the USSR as a state of militant atheism. The German authorities tried to respond by organizing propaganda against the events that had taken place. However, the majority of Local Orthodox Churches refused to disavow the patriarchal elections in Moscow. Due to its dependent position, the Orthodox episcopate in the temporarily occupied territory of the USSR was forced to make concessions to German occupiers. However, even in this case, the Conference and the Council of Bishops held in 1944 in the Baltics and Belarus avoided harsh formulations. The episcopate of the Russian Orthodox Church Outside of Russia took a special position. The radical change in church-state relations in the autumn of 1943 was a decisive factor in the confrontation of the warring parties at the "religious front" of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Council of Bishops of the Russian Orthodox Church of 1943, Patriarch of Moscow and All Rus' Sergius (Stragorodsky), Metropolitan Sergius (Voskresensky), Metropolitan Eulogy (Georgievsky), Russian Orthodox Church Outside of Russia, Belarusian Orthodox Church, Bulgarian Orthodox Church, Latvian Orthodox Church, Romanian Orthodox Church.

About the author: **Bishop Silouan of Peterhof (Nikitin Sergei Sergeevich)**

Candidate of Theology, Associate Professor, Rector of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: f.siluan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-4703>

For citation: Silouan (Nikitin), bishop. Orthodox World's Attitude to the Election of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) as Patriarch of Moscow and All Rus'. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 313–323.

The article was submitted 01.05.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 04.06.2024.

Встреча в сентябре 1943 г. Иосифа Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) носила для истории Русской Православной Церкви поворотный характер (см. подр.: [Васильева, 2001, 105–127]). После десятилетий гонений и ограничений практически во всех сферах деятельности перед духовенством открылась возможность не только поиска и определения своего места в обществе, но и восстановления приходской жизни, возрождения епархий, открытия духовных школ, а также возвращения ранее находившихся за штатом или в заключении архипастырей и пастырей к служению. Главным итогом этого события стал Архиерейский Собор 1943 г., на котором местоблюститель Патриаршего престола митр. Сергей (Страгородский) был избран патриархом Московским и всея Руси.

12 сентября 1943 г. от имени новопоставленного патр. Сергия в адрес предстоятелей Поместных Православных Церквей («Святейшим Восточным Патриархам Вселенскому Вениамину, Александрийскому Христофору, Антиохийскому Александру и Иерусалимскому Тимофею») были отправлены телеграммы с извещением о его вступлении на патриаршую кафедру. Телеграммы аналогичного содержания были также отправлены патриаршему экзарху в Америке, митрополиту Алеутскому и Северо-Американскому Вениамину (Федченкову) и архиепископу Кентерберийскому Уильяму Темплу [ЖМП, 1943, 19].

Для советского государства подобного рода шаг был вынужденным и обусловлен изменением роли Православной Церкви в обществе и на международной арене. В период войны уровень религиозности среди красноармейцев, в тылу и на оккупированной территории возрастал, и не учитывать подобный фактор было просто невозможно. К тому же противник Советского Союза, нацистская Германия, весьма активно использовала Православную Церковь, ее клириков и мирян в своих пропагандистских целях. На временно оккупированных территориях случаи большевистских гонений документировались, и сведения о них всячески распространялись через оккупационную печать. Важно отметить, что еще с 1941 г., когда митр. Сергей (Страгородский) и вверенное ему духовенство заняли патриотическую позицию и обращались к своим чадам с призывом сопротивляться грозной опасности немецкого вторжения, на занятых нацистами территориях началась пропагандистская кампания по очернению местоблюстителя Патриаршего престола, а многие представители епископата вышли из его подчинения (см.: [Шкаровский, 2010, 107]).

На знаменательном Архиерейском Соборе 1943 г. были осуждены изменники веры и Отечества, в том числе те представители духовенства, которые вольно или невольно участвовали в нацистской пропаганде и призывали паству к помощи германской армии, поддерживали, пусть даже на словах, ее деятельность и критиковали советский строй (см.: [ЖМП, 1943, 16]).

Естественно, события в Москве были крайне отрицательно восприняты немецкой стороной. На протяжении первого периода войны нацисты могли неустанно заявлять о советских властях исключительно как о гонителях Церкви и верующих, теперь же этот пропагандистский козырь у них был отобран. В сложившейся ситуации, понимая, что изменение церковно-государственной политики еще больше послужит сближению Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции, нацисты должны были организовать своеобразный «пропагандистский ответ» с помощью того православного духовенства, которое находилось в зоне их влияния и должно было дезавуировать прошедшие патриаршие выборы. Отметим, что к тому моменту Румынская и Болгарская Православные Церкви (автокефалия последней признана еще не была) в целом поддерживали политику светских властей, которые были союзниками Германии во Второй мировой войне, Константинопольский патриарх находился в нейтральной Турции, но под сильным влиянием со стороны Великобритании, а многие представители Сербской Православной Церкви, терпевшей притеснения как со стороны немцев, так и со стороны хорватских усташей, образовавших т. н. «Хорватскую Православную Церковь», все больше вставали на антинемецкие

позиции. Важную роль в процессе критики московских патриарших выборов немецкая пропаганда отводила духовенству временно оккупированных советских территорий, в особенности в Прибалтике и Белоруссии, а также Русской Православной Церкви Заграницей (см. подр.: [Шкарковский, 2007, 213]).

Наиболее критично к событиям, произошедшим в сентябре 1943 г., отнеслись иерархи Русской Православной Церкви Заграницей. В период с 21 по 26 октября 1943 г. в столице оккупированной Австрии Вене собрались первоиерарх РПЦЗ митр. Анастасий (Грибановский), глава Средне-Европейского митрополичьего округа митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ), митрополит Западно-Европейский Серафим (Лукьянов), епископ Пражский Сергей (Королев), епископ Потсдамский Филипп (Гарднер), епископ Венский Василий (Павловский), настоятель братства прп. Иова Почаевского архим. Серафим (Иванов), мирянин и секретарь совещания Георгий Граббе (будущий еп. Григорий), а также представители епископата временно оккупированных территорий СССР — архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт (Бобковский), архим. Григорий (Бартошевич) и нескольких священников из Германии и Бельгии (см.: [Шкарковский, 2007, 214]). Безусловно, подобного рода совещание было организовано нацистами для того, чтобы показать непризнание и нелегитимность «московских выборов». У представителей РПЦЗ были свои надежды на подобное совещание, в частности, оно дало возможность обсудить многие текущие вопросы и стало подспорьем для выработки дальнейшего плана действий. При этом не надо забывать, что среди духовенства РПЦЗ доминировало критическое отношение к действиям митр. Сергея (Страгородского) еще с периода его декларации лояльности 1927 г., и теперь это неприятие закономерно вылилось и в критику московских патриарших выборов. В итоговом документе говорилось, что «избрание Митрополита Сергея на Престол Патриарха Московского и всея Руси является актом не только неканоничным, но и нецерковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической партии и ее возглавителя диктатора Сталина, переживающих тяжелый кризис во время войны и нуждающихся в помощи ненавистой им и еще недавно явно гонимой ими Православной Церкви» [ЦЖ, 1984, 152–154].

Подобного рода отношение отразили два выпущенные совещанием документа — «Воззвание ко всем верующим Православной Русской Церкви на родине и в рассеянии сущим» и «Резолюция о том, чем Церковь может содействовать борьбе с большевистским безбожием» (см. подр.: [Шкаровский, 2014а, 200]). В них говорилось, что московские события являлись «дьявольской пародией на христианскую идею симфонии Священства и Царства». Коммунизм оценивался собравшимися в Вене архиереями как «величайшее зло, какое когда-либо видел мир». Собравшиеся не верили, что он способен изменить «своей безбожной и материалистической сущности», так как последнее бы «означало для него смерть, а он не только не хочет умирать, а стремится распространиться по всему миру, сделавшись новой религией для человечества». Попытку «связать Церковь с большевизмом» участники Венского совещания называли «бесплодной и противоестественной попыткой связать Христа и Велиара». Московский митрополит признавался в Вене вновь неавторитетным руководителем для представителей РПЦЗ, «игрушкой в руках безбожных палачей нашей родины». Конкретнее с обоснованием неканоничности московских патриарших выборов выступил протопресв. Александр Шабашев, который зачитал обращение приходского совета Воскресенского храма в Брюсселе (см. подр.: [Кострюков, 2015, 110]). В этом документе значилось, что Московский Поместный Собор 1917–1918 гг. установил конкретные правила избрания патриарха. В 1943 г. собор с участием епископата, клириков и мирян просто не был собран. В связи с этим даже факт принятия митр. Сергием (Страгородским) местоблюстительских полномочий в 1930-е гг. является меньшим нарушением, нежели подобные выборы.

Нельзя сказать, однако, что участники Венского совещания выступили только с «негативной» программой критики московских патриарших выборов. В их заявлении звучала критика политики немцев, в особенности в ключе недопущения

объединения всех православных приходов на временно оккупированной советской территории, в том числе в контексте недопущения на эту территорию представителей Зарубежной Церкви. К тому же целый ряд участников совещания выступал против скорейшего вынесения определения по вопросу московских церковных выборов в связи с недостатком информации. В данном случае уже митр. Анастасий, прекрасно понимавший всю сложность ситуации, осознавал, чего требуют от собравшихся в Вене нацисты и что иного исхода у совещания быть просто не может. Пропагандистский характер встречи немцы решили усилить посредством записи богослужений в Венской церкви 24 и 25 октября 1943 г., помещения фотографий представителей РПЦЗ в прессе. У некоторых архиереев были взяты интервью, в которых последние подтвердили свою позицию непримиримости по отношению к советской власти и к московским патриаршим выборам. Часть характеристик участников совещаний была опубликована и в прессе, выходявшей на временно оккупированной советской территории. Так, например, 22 октября 1943 г. в издававшейся в Таллине (Ревеле) газете «Северное слово» вышла статья А. Пасынкова под названием «Церковь под игом НКВД. Православные иерархи о московских патриарших „выборах“». В статье в том числе присутствовало мнение митр. Серафима (Лядэ) о случившемся в Москве и о патр. Сергии: «По своим личным встречам с митрополитом Сергием митрополит Серафим характеризует его как ученого богослова, но слабовольного и престарелого человека, отягченного годами. Когда митрополит Серафим находился еще в пределах Советского Союза, церковными делами ведал уполномоченный ГПУ Тучков. Нет сомнения, что и теперь за православной церковью следит око соответствующих органов НКВД» [Петров, 2015, 226–227].

Однако сами немцы признавали, что Венское совещание не соответствовало запланированному пропагандистскому эффекту и осталось довольно периферийным событием в сравнении с признанием Сергия (Страгородского) патриархом со стороны восточных патриархов и довольно широкой поддержке избрания как на временно оккупированной территории, так и среди эмигрантов, которые все больше сочувствовали Красной армии. В конце войны некоторые участники совещания, например еп. Сергей (Королев) и митр. Серафим (Лукьянов), перейдут в Русскую Православную Церковь.

Тем не менее только представителями РПЦЗ нацисты ограничиваться в своей кампании не хотели. Так, 14 сентября 1943 г. Священный Синод Церкви в Генерал-губернаторстве выступил с осуждением выборов в Москве (см. подр.: [Кострюков, 2015, 110]). Еще более масштабный характер приняли события в Белорусской Православной Церкви.

12–19 мая 1944 г. в Минске состоялся Собор епископов Белорусской митрополии. Собор прошел в митрополичьих покоях Спасо-Преображенского монастыря (см. подр.: [Силова, 2005, 16]), в нем участвовали митрополит Минский и Белорусский Пантелеимон (Рожновский), архиепископ Белостокский и Гродненский Венедикт (Бобковский), архиепископ Могилевский и Мстиславский Филофей (Нарко), архиепископ Полесский и Брестский Иоанн (Лавриненко), епископ Смоленский и Брянский Стефан (Севбо), епископ Витебский и Полоцкий Афанасий (Мартос), епископ Мозырский и Гомельский Григорий (Боришкевич), епископ Рославльский Павел (Мелентьев), викарий Смоленской епархии. Основным обсуждаемым на Соборе вопросом стали московские патриаршие выборы. Участники Собора заслушали информацию, полученную от военнопленных и перебежчиков; исходя из их сведений был сделан вывод об отсутствии позитивных изменений в советской религиозной политике. Изменения, о которых говорилось в советской пропаганде, согласно позиции собравшихся епископов, являлись действиями, вызванными военно-политическими потребностями, а также желанием поднять у граждан чувство советского патриотизма. Собор выразил возмущение фактами преобразования Православной Церкви в средство «советско-коммунистической пропаганды».

Важным нюансом именно этого решения стало отсутствие в итоговом тексте документа каких-либо конкретных оценок процедуры избрания в Москве патриархом

митр. Сергия (Страгородского). Также довольно пространно представители белорусского епископата высказались и по поводу отношения к положению православных на территории Советского Союза. В тексте говорилось о «принуждении православного духовенства стать на службу безбожному коммунизму». Деятельность духовенства в Москве называлась не имеющей ничего общего с задачами Православной Церкви. Изменение советской религиозной политики было охарактеризовано в тексте как продолжение антирелигиозной политики, причем в более изощренной форме. Участники заседания приняли решение обратиться со специальным посланием к православному белорусскому народу, дабы сохранить его от воздействия советской пропаганды. Имелись в тексте и ярые пронемецкие пассажи, призывы к победе вермахта, что являлось общим местом в подобного рода документах, к тому же указывающим на давление на епископов со стороны нацистов.

Но еще большую известность получило совещание архиереев в Риге в начале апреля 1944 г. (см. подр.: [Шкаровский, 2007, 346–347]). В нем участие приняли экзарх Сергий (Воскресенский), архиепископ Нарвский Павел (Дмитровский), епископ Рижский Иоанн (Гарклавс), епископ Ковенский Даниил (Юзвюк), руководитель Внутренней миссии в Литве протопресв. Кирилл Зайц, благочинный приходов в Риге прот. Иоанн Янсон, благочинный Ревельского округа, председатель Нарвского епархиального совета прот. Иоанн Богоявленский, благочинный Виленского округа и председатель Литовского епархиального совета прот. Лука Голод, председатель Латвийского епархиального совета прот. Николай Македонский, член Латвийского епархиального совета прот. Николай Перехвальский, благочинный Понежежского округа прот. Герасим Шорец, благочинный Печерского округа прот. Элий Верхоустинский, настоятель Виленского кафедрального собора свящ. Николай Демьянович, настоятель церкви Рижского женского монастыря свящ. Николай Веглайс и др. В итоговом документе участники совещания сфокусировали внимание в основном на проблемах устройства Православной Церкви на территории Прибалтики в условиях массовой эвакуации населения и организации Внутренних миссий. События московских церковных выборов в документе напрямую не обсуждаются и тем более не осуждаются. Тем не менее в итоговое обращение был включен пассаж, из которого видно осуждение представителями прибалтийского духовенства изменения советской религиозной политики: «Большевики притворяются, будто они теперь не те, какими были четверть века назад, и будто противникам коммунизма теперь уже нечего их опасаться. Такое притворство, такая ложь, такая пропаганда свидетельствует о слабости большевиков, о том, что их неприкрашенный облик внушает отвращение, что их идеология утратила привлекательность, что продолжать войну собственными силами они не в состоянии, что вся их надежда теперь только на то, чтобы выиграть свою большевицкую войну силами небольшевицкими, а затем их же и раздавить». Поведение тех епископов и священников, которые находились на контролируемой советской властью территории, в документе оценивалось не с позиции осуждения, скорее духовенство было описано в нем как невинные пленники большевистского режима: «Церковь православная задыхается в большевистском плену. Клирики ее, вместе с прочими рабами и рабынями Сталина, гонят на фронт. Иерархов православных, начиная с Первосвятителя, принуждают к обнародованию унижительных посланий, продиктованных советскими палачами. К иерархам применяют при этом методы того же насилия, к какому прибегали в довоенное время... Лишь напоказ для успеха своей заграничной пропаганды они водружают на развалинах Церкви какую-то картонную декорацию, чтобы она прикрыла картонное здание, вновь отстроить которое они не позволяют...» [Шкаровский, Соловьев, 2013, 256–257].

17 апреля 1944 г. министерство иностранных дел Германии разослало принятую в Риге резолюцию немецким дипломатическим представителям в 20 европейских странах, в том числе и в Турции (для влияния на Константинопольского патриарха).

Существует точка зрения, что митр. Сергий (Воскресенский), прекрасно знакомый с особенностями выстраивания церковно-государственных отношений с советскими властями, всячески пытался противодействовать немецким планам по непризнанию

московских патриарших выборов. Ему совсем не хотелось осуждать своего учителя — Сергия (Страгородского), ставшего к тому же патриархом. Будучи редактором «Журнала Московской Патриархии» в 1930-е гг., будущий экзарх еще тогда высказывал точку зрения, оправдывавшую позицию митр. Сергия и его Синода. Теперь он как никто другой понимал значимость произошедших в Москве событий и считал, что необходимо использовать факт разрешения большевиками патриарших выборов для доказательства несостоятельности их идеологии и патового положения в условиях войны. Подобная позиция не только противоречила общим установкам немецкой пропаганды того времени, но и в большой степени не соответствовала позиции духовенства, проживавшего на территории Балтии и критически воспринимавшего позицию московских церковных властей. Согласно опубликованным сообщениям командующего полицией безопасности и СД в рейхскомиссариате «Остланд» от ноября 1943 г., митр. Сергий (Воскресенский) считал, что не только не следует признавать выборы неканоничными, но и наоборот, всячески необходимо подчеркивать, что «поворот» большевиков к Церкви является одновременно крахом их идеологии, а новоизбранный патриарх — «символ антисоветизма».

Нельзя полностью списывать со счетов и факт нахождения на территории Эстонии и Латвии противников «московской линии» — митрополитов Таллинского и Эстонского Александра (Паулуса) и на покойного митрополита Рижского и Латвийского Августина (Петерсона). Они в период нацистской оккупации состояли в переписке, в ходе которой обменивались мнениями о происходящих событиях, стремились добиться отстранения митр. Сергия (Воскресенского) от управления приходами и всячески давили на то, что экзарх Прибалтики являлся агентом НКВД, присланным на территорию Балтийских республик не как добрый архипастырь, а как послушное орудие советских спецслужб. Отметим, однако, что до прихода немцев оба митрополита занимали другую позицию и не только принесли покаяние, но и в личной переписке с местоблюстителем Патриаршего престола выражали собственную лояльность. Наиболее примечательным в этой связи может стать письмо, датированное январем 1941 г., написанное митр. Августином митр. Сергию (Страгородскому), ныне хранящееся в Архиве Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. В этом письме владыка Августин отмечал, что после своего избрания в 1936 г. Синод Латвийской Православной Церкви всячески старался восстановить отношения с московскими церковными властями, не объявлял о собственной автокефалии, говорил об «удивительной заботе Московской патриархии о своей осиротевшей дочери — Латвийской Православной Церкви». Более того, митр. Августин отмечал, что как только Латвия вошла в состав СССР, он сразу захотел отправиться в Москву, однако не получил разрешения светских властей. Далее митр. Августин писал, упирав на то, что он был лично обвинен в отходе от подчинения московским церковным властям, что не принимал никакого личного участия в «расколе», который он обозначал временным явлением. При этом митр. Августин отмечал, что считал излишней мерой назначение в Ригу архиепископа Дмитровского Сергия (Воскресенского), говоря, что православные приходы в Латвии не испытывают недостатка в духовенстве, а подобного рода назначение нарушит прямую связь между Москвой и Ригой. Несмотря на эту попытку собственного оправдания и признание полномочий митр. Сергия (Страгородского), в определении от 27 февраля 1941 г. осуждался откол латвийского духовенства и лично митр. Августина. Отмечалось, что он «принял заведомо незаконную архиерейскую хиротонию», за что должен был быть лишен архиерейского сана, не сразу принял точку зрения тех членов Синода, которые выступали за покаяние, а также стоял на крайне антисемитских позициях. При этом его принимали в архиерейском сане, оставляли за ним титул митрополита Рижского, но управление приходами в Латвийской ССР передавали митр. Сергию (Воскресенскому). 29 марта 1941 г. митр. Августин в зале патриархии совершил покаянное молитвословие и был принят в каноническое общение с Московской Патриархией, что не помешало ему изменить свою позицию в период нацистской оккупации (см. подр.: [Шкаровский, 2007, 321]).

Весь период нацистской оккупации митр. Сергей (Воскресенский) не только стремился воспрепятствовать разделению приходов в самой Прибалтике, но и выступал за то, чтобы в подчинение московских церковных властей возвращались приходы на территории Беларуси и Украины, а также в Западной Европе. Его убежденное неприятие линии Русской Православной Церкви Заграницей осталось непоколебимым и в период нацистской оккупации. Целый ряд свидетельств прямых очевидцев событий тех лет и лиц из его окружения может удостоверить только то лишь, что с конца 1943 — нач. 1944 г. он стал все чаще допускать двусмысленные формулировки, в которых можно было увидеть критику не только советской политики, но и немецких властей. Возможно, именно эта позиция стала причиной трагической гибели митр. Сергия (Воскресенского) на шоссе Каунас — Вильнюс в апреле 1944 г. (см. подр.: [Петров, 2021, 624–637]).

Указанный в духовном завещании экзарха владыка Даниил (Юзвюк) являлся продолжателем линии митр. Сергия (Воскресенского). Поверенный по делам русского населения в Литве коллаборационист Анатолий Ставровский называл архиепископа Ковенского Даниила «фанатичным приверженцем унижительной покорности патриаршему престолу в Москве», а также намекал на то, что наследник митр. Сергия будет меньше критиковать также и действия советской власти в целом (см.: [Шкаровский, 2007, 350]). Подобная позиция еще в большей степени рассердила немецкую сторону, которая стала активно искать замену архиеп. Даниилу и одно время останавливалась на бывшем временном управляющим Киевской епархии, представителе Украинской Автономной Православной Церкви Пантелеимоне (Рудыке), находившемся в то время в польской столице. Назначение, однако, этого иерарха в Прибалтику так и не состоялось по причине его малой популярности среди прибалтийского духовенства и больших амбиций, которые не удовлетворяли ни православное духовенство Прибалтики, ни немцев. К тому же Литовская ССР была вскоре освобождена от оккупантов.

Но, конечно, основное внимание нацисты уделяли реакции на московские патриаршие выборы Поместных Православных Церквей. Основной целью германской пропаганды была демонстрация всему миру, что произошедшее в советской столице избрание патриарха никем не признано и не представляет собой значимого в православном мире события. На поверку ситуация сложилась диаметрально противоположно.

Так, уже в первых числах октября 1943 г. немецкий МИД получил от своих представителей в ряде балканских стран (Греции, Сербии, Болгарии) сообщения, что «организовать осуждение избрания Сергия местными Православными Церквями не удастся». Еще больший удар последовал из турецкой столицы. 20 декабря 1943 г. Константинопольский патриарх Вениамин (Кириаку) отправил в Москву приветственную грамоту, в которой поздравил патриарха Московского и всея Руси со вступлением на кафедру. В сообщении тайного информатора немецкого консульства в Стамбуле от 25 марта 1944 г. говорилось о разговоре с одним из греческих митрополитов, который по вопросу законности выборов московского патриарха сказал, что: «русский патриарх в любом случае признаётся» [Шкаровский, 2014б, 43].

Не получилось у нацистов добиться большого успеха и на территориях оккупированных и союзных государств Балканского полуострова. В своей заметке от 31 марта 1944 г. референт Колреп писал, что развернутая после Венского совещания РПЦЗ немецким внешнеполитическим ведомством акция с целью побудить Православные Церкви на Балканах выступить с заявлением против выборов патриархом митр. Сергия не удалась и под влиянием советской пропаганды ранее антибольшевистски настроенные архиереи Балкан начали колебаться (см.: [Шкаровский, 2014а, 204]).

Наиболее показательным событием в данном случае стало изменение позиции Болгарской Православной Церкви. Последняя в начале Великой Отечественной войны всячески пыталась помочь в организации отправки на оккупированную территорию Советского Союза богослужебных книг и антиминсов. Теперь ее епископат внимательно следил за изменением церковно-государственных отношений в СССР.

В середине октября 1943 г. в печатном органе Болгарской Православной Церкви можно было встретить позитивную оценку «быстроты» «канонического устройства» и легализации Русской Православной Церкви. Болгарами этот факт оценивался в большей степени как «определенная надежда», а не как сомнение в признании легитимными произошедших патриарших выборов. Высоко оценивался в болгарской церковной печати и новоизбранный патр. Сергей (Страгородский): он характеризовался как «архипастырь большого масштаба», подвижник, аскет и молитвенник. При этом в одной из статей было сказано прямо, что Православная Церковь в СССР получила права и свободу ввиду своего важного значения, которое не смогли игнорировать даже атеистические большевистские власти (см.: [Шкаровский, 2007, 201]).

Впоследствии и немцы признали, что с осени 1943 г. Болгарская Православная Церковь полностью изменила свой антибольшевистский курс и перешла на «промосковские позиции».

Такие же неприятные для себя известия получили нацисты и от Румынской Православной Церкви. Весь период Великой Отечественной войны представители Бухареста стремились к тому, чтобы переподчинить себе не только приходы на территории Молдовы и Украины, но и усилить свое влияние на территории РСФСР, в частности на Крымском полуострове. Осенью 1943 г. планировалось, что Румынская Православная Церковь встанет на позицию, близкую к РПЦЗ, чего, однако, не случилось. В телеграмме немецкого посольства из столицы Румынии в Берлин 2 ноября 1943 г. сообщалось, что представители Румынской Православной Церкви, несмотря на нажим со стороны светских властей и немцев, не пойдут на осуждение московских патриарших выборов, что являлось серьезным провалом в немецкой пропагандистской политике (см.: [Шкаровский, 2014а, 204]).

И наконец, главным последствием изменений церковно-государственной политики в Советском Союзе стал рост числа патриотических настроений среди русской эмиграции, в том числе церковной. Все чаще, еще в период немецкой оккупации, слышались голоса, что Советский Союз является для многих исторической родиной, чувствовалось ожидание скорой победы и изгнания нацистов как с советской территории, так и из Европы. Безусловно, известия о московских патриарших выборах сыграли большую роль в деле возрастания популярности подобных идей.

Существенным образом события сентября 1943 г. повлияли на позицию главы Русского Западно-Европейского экзархата митр. Евлогия (Георгиевского). Известно, что в годы нацистской оккупации он переписывался с экзархом Прибалтики митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским), отстаивавшим идею верности московским церковным властям. Сам митр. Евлогий стал все больше поддерживать Красную армию, воспринимать Советский Союз как историческую Россию и видеть в деятельности Сталина и советского руководства стремление к возвращению к русской национальной истории.

Апофеозом подобной позиции стало пастырское собрание экзархата 29 августа 1945 г., на котором присутствовали гости из Москвы, в том числе митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич). В своей речи митр. Евлогий заявил: «Я горячий сторонник возвращения в лоно единой Православной Церкви. Мы видим и слышим, как объединяется Русь. Области Галицкая, Карпатская Русь и другие части Руси. Неужели мы останемся вне исторического процесса, который никогда не повторится. Надо уразуметь знамение времени и прильнуть к груди Матери Русской Церкви, чтобы пойти служить русскому народу. Особенно болит сердце за детей, которые постепенно денационализируются и теряют православие. Недавно мне говорили, что в одном обществе надо было написать письмо — и не нашлось ребенка, который мог бы его там написать! Мы утопаем и с собой топим в иностранном море, и сколько уже погибло так, ушло в католичество. Сколько не говорят по-русски. Ужасен, губителен процесс денационализации: становимся иностранцами без лица. Только на лоне родной Матери Церкви сохраним мы душу народа» (см. подр.: [Николай Ярушевич, 1945, 14–21; Кострюков, 2015, 134]).

Отметим, что еще в дореволюционной России, будучи депутатом Государственной Думы, владыка Евлогий выступал за учреждение отдельной Холмской губернии, а в годы Первой мировой войны управлял приходами в занятой Русской императорской армией Галиции. В этот период архиепископ Вольнский и Житомирский весьма активно прилагал силы к возвращению униатов в православие, чем вызвал отрицательную реакцию у австро-венгерских властей и части православных в России. Теперь же, когда происходило присоединение тех самых земель, которые ранее были заняты русскими войсками, митр. Евлогию виделось исполнение давно ожидаемого им «воссоединения».

Высказывал митр. Евлогий свое мнение и по поводу митрополита, а впоследствии патриарха Сергия (Страгородского), к тому моменту уже покойного, отмечая правильность его линии, подтверждением чего, на его взгляд, и стали события 1943 г. Важно, что и присутствовавший на собрании митр. Николай (Ярушевич) отметил положительные стороны служения Церкви в военное время и результаты этого служения: «Русская Православная Церковь жила одной жизнью с русским народом. Приходы принимали шефство над частями, деятельно помогали им. Храмы во время войны были переполнены, как никогда... В самом начале войны среди архиереев созрело желание возглавить Русскую Церковь патриархом, восстановить пресекшееся. Мы обращались к митрополиту Сергию с просьбой благословить созыв Собора, но он отклонял это до времени... Митрополит Сергий был убежден, что церковный раскол скоро изживется, и когда Церковь станет единой, тогда и соберется Собор ее. И он оказался пророческим». Описал митр. Николай перед собравшимися в столице Франции и саму встречу, а также предшествующий этому период: «В 1943 г. митрополит Сергий, 26 августа, в день Владимирской Божией Матери, возвратился в Москву из Ульяновска, куда он был эвакуирован. Архиереи обратились к нему вновь с прежним предложением: григорьцев нет, обновленчество падает. И митрополит Сергий дал свое благословление на созыв Собора. В октябре глава правительства Иосиф Виссарионович Сталин принял делегации в составе митрополитов Сергия, Алексия и меня. Мы встретили благожелательное отношение — и Русская Церковь имеет Патриарха». Сложно сказать, что побуждало митр. Николая указывать иную дату встречи — аберрация памяти или сознательное смещение акцентов со встречи со Сталиным на епископский план созыва Собора. Также он изложил и дату создания Совета по делам Русской Православной Церкви, называя 1942 г.

Далеко не все собравшиеся внимали речам митрополитов Николая и Евлогия с однозначным одобрением. Наиболее четко критическая линия отразилась в выступлениях бывшего министра исповеданий при правительстве гетмана Скоропадского прот. Василия Зеньковского и бывшего министра исповеданий Временного правительства Антона Карташева. При этом среди собравшихся были и рьяные сторонники возвращения в Москву, среди которых особо выделялся настоятель Троицкой церкви в Клиши о. Константин Замбржицкий (активный участник «Союза советских патриотов», впоследствии вернувшийся в СССР).

Воссоединения в итоге так и не произошло, а сам митр. Евлогий через год скончался. Однако сама риторика обсуждения, горячие споры о положении Православной Церкви в Советской России весьма показательны для 1945 г. и демонстрируют, какой переворот факты встречи Сталина с митрополитами и избрания в сентябре 1943 г. патриархом Сергия (Страгородского) совершили в умах эмигрантского духовенства, относившегося к Западно-европейскому экзархату.

События осени 1943 г. и избрание в Москве митр. Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси сыграли решающую роль в изменении положения Православной Церкви в СССР и на международной арене. Все большее количество православных во всем мире видело благоприятные черты в советской религиозной политике и стало пересматривать свой взгляд на Советский Союз как на государство воинствующего атеизма. Избрание в Москве патриархом Московским и всея Руси митр. Сергия (Страгородского) имело также большой пропагандистский эффект. Реакция на него была очень разной.

Нацистские власти попытались сразу же организовать пропагандистский ответ на произошедшие в Москве события. Большинство Поместных Православных Церквей отказалось дезавуировать произошедшие в Москве патриаршие выборы, а наоборот, встало на позицию признания особого места Русской Православной Церкви как в Советском Союзе, так и в православном мире. Православный епископат на временно оккупированной территории СССР был вынужден идти на большие уступки немецким оккупантам в силу своего зависимого положения. Однако и в этом случае прошедшие в 1944 г. на территории Прибалтики и Белоруссии Совецание и Архиерейский собор уклонились от жестких формулировок.

Особняком стоит позиция епископата Русской Православной Церкви Заграницей. И ранее не признававшие полномочия владыки Сергия (Страгородского), архиереи РПЦЗ вновь выступили против его позиции и осудили ее. Однако в данном историческом контексте подобное решение было скорее исключением, чем правилом. Переход части епископов — участников венского совещания, впоследствии в Русскую Православную Церковь хорошо показывает отсутствие единодушия при принятии этого решения, а также давление немцев. К тому же среди большого числа русских эмигрантов в тот момент стали преобладать патриотические воззрения, в особенности в приходах Западноевропейского экзархата.

В целом можно считать коренное изменение церковно-государственных отношений осени 1943 г. также решающим в противостоянии воюющих сторон на «религиозном фронте» Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Васильева (2001) — *Васильева О. В.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. 213 с.
2. ЖМП (1943) — Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1.
3. Кострюков (2015) — *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 502 с.
4. Николай Ярушевич (1945) — *Николай (Ярушевич), митр.* Наше пребывание во Франции (24 августа — 5 сентября 1945 г.) // ЖМП. 1945. № 10. С. 14–21.
5. Петров (2015) — *Петров И. В.* Избрание в Москве в 1943 г. Патриарха: пропагандистский ответ по другую сторону фронта // Труды Исторического ф-та СПбГУ. 2015. Вып. 21. С. 226–227.
6. Петров (2021) — *Петров И. В.* Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М.: Посев, 2021. 740 с.
7. Силова (2005) — *Силова С. В.* Крестный путь. Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. Минск, 2005. 72 с.
8. ЦЖ (1984) — Церковная жизнь. Джорданвилль, 1984. № 7–8.
9. Шкаровский (2007) — *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 504 с.
10. Шкаровский (2010) — *Шкаровский М. В.* Русская церковь и Третий рейх. М.: Вече, 2010. 460 с.
11. Шкаровский (2014а) — *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь Заграницей и ее общины в Югославии в годы Второй Мировой войны // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 182–222.
12. Шкаровский (2014б) — *Шкаровский М. В.* Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М.: Индрик, 2014. 230 с.
13. Шкаровский, Соловьев (2013) — *Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ.* Церковь против большевизма. (Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941–1944 гг.) М.: Об-во любителей церковной истории, 2013. 441 с.